

— И у тебя ещё наглости хватает улыбаться?

Женщина средних лет вспыхнула от ярости:

— Знать бы заранее, каким паршивцем ты вырастешь! Когда ты в детстве чахоткой исходил, при смерти лежал, не надо было мне наш мотоцикл продавать, чтобы тебя, гадёныша, спасти! А ты как отплатил? Спёр последние деньги на материнскую операцию и сбежал с этим выродком из семьи Чэнь! Ты хоть знаешь, что мать из-за тебя чуть на тот свет не отправилась?! А сестру свою ты как подставил? Ей из-за тебя всю жизнь сломали!

От этих мыслей злость захлестнула её с новой силой. Задыхаясь от возмущения и уже не в силах связать и двух слов, она схватила стоявшую в углу старую облезлую метлу и замахнулась, намереваясь как следует отходить Чи Сяня.

Но стоило ей поднять метлу, как чья-то рука перехватила её запястье. Тётушка Сун оглянулась. Перед ней стояла Чи Цююнь. Её ладонь, сжимавшая руку подруги, мелко дрожала. Она во все глаза смотрела на стоявшего перед ней Чи Сяня. Рядом замерла Чи Цин с покрасневшими от слёз глазами.

При виде побелевших волос матери и её исхудавшего, измождённого тела у Чи Сяня защемило в груди. Но он сдержался и, мягко улыбнувшись, тихо произнёс:

— Мама, Сяо Цин, тётушка Сун... Я вернулся.

Из глаз Чи Цююнь хлынули слёзы.

— Ну и слава богу... — запричитала она. — Вернулся... Живой... Главное, что вернулся...

Тётушка Сун — та самая разгневанная женщина — порывалась сказать что-то ещё, но, глядя на плачущих мать и дочь, сдержала гнев и промолчала.

Торчать посреди улицы было не дело, и они поспешили домой. Точнее сказать, поднялись на пятый этаж в тесную съёмную квартиру семьи Чи.

Крошечная «однушка» площадью меньше сорока квадратных метров едва вмещала в себя кухню, прихожую и единственную комнату. Из-за соседства с общим туалетом и душевой на этаже в воздухе постоянно висело тяжёлое амбре. Дом, построенный ещё в восьмидесятых годах прошлого века, давно просился под снос: стены и потолок облупились так сильно, что трещины на штукатурке напоминали узор на коже перезревшей дыни. Нищета и запустение сквозили в каждом углу.

Но Чи Сянь не чувствовал брезгливости. И это при том, что в прошлой жизни, едва достигнув стадии Зарождения Души, он обзавёлся собственной сияющей вершиной — личными угодьями

в несколько тысяч му. Позже, странствуя по иным мирам, он гостил исключительно в императорских дворцах, которые правители великих династий благоговейно освобождали специально для него.

Но здесь всё было родным. В этих стенах он провёл больше двадцати лет. На колченогом, латанном-перелатанном диване в гостиной он проспал всё своё детство и юность.

Чи Сянь осторожно провёл пальцами по висевшей на стене старой картине с изображением вековой сосны. Её когда-то написал отец — копия известного свитка Чжан Дацяня. Картина висела здесь больше двадцати лет. Как бы бережно к ней ни относились, дешёвая бумага пожелтела от времени, а по краям проступили тёмные пятна сырости.

Только сейчас Чи Сянь по-настоящему поверил, что вернулся. Тревога, терзавшая его душу, наконец улеглась, сменившись щемящим чувством покоя. Он коснулся облупившегося пластика старого термоса для воды. Всё было настоящим.

Правда, идиллическую минуту нарушил внезапно и оглушительно заурчавший желудок.

Чи Цююнь, не сводившая с него заплаканных глаз, тут же засуетилась. От волнения её движения стали неловкими:

— Голодный? Ох, сынок... Сейчас я что-нибудь приготовлю! Ой, да у нас же в доме шаром покати... Сяо Цин, деточка, беги скорее в магазин, купи крупы какой-нибудь. Да побольше возьми, побольше!

Что бы ни случилось в прошлом, её сын вернулся живым. Для матери это было величайшим счастьем.

Чи Цин спрятала затаённую обиду и тихо ответила:

— Хорошо, я быстро.

Чи Цююнь повернулась к подруге:

— Лао Сун, оставайся у нас обедать.

Тётушка Сун к этому времени уже поостыла:

— Ладно, уговорила. У меня как раз с Нового года завалился кусочек копчёной грудинки. Пойду принесу, хоть суп наваристый выйдет.

Чи Цююнь спорить не стала. Она прекрасно знала упрямый характер Лао Сун: та никогда не оставалась в долгу и не любила чужих одолжений, так что отказываться было бесполезно.

Когда дверь за Чи Цин и тётушкой Сун захлопнулась, Чи Цююнь вновь повернулась к сыну. Она понятия не имела, как вести себя с ним после стольких лет разлуки.

В конце концов она выдавила из себя лишь дежурное:

— Ты весь в пыли. Может, ополоснёшься пока?

Чи Сянь опустил взгляд на свои руки. Страшные раны от небесной кары затянулись без следа. Более того, его заношенная куртка и дешёвые кроссовки со стёртой подошвой были точно такими же, как в день той роковой аварии.

Он мысленно попытался запустить привычный духовный круг культивации, но застыл от шока: меридианы были абсолютно пусты, вся духовная энергия исчезла. А та крошечная крупица ци, которую ему удалось вытянуть из окружающего воздуха, оказалась настолько отравлена копотью и грязью, что буквально жгла каналы изнутри.

Чи Сянь резко побледнел. Почувствовав неладное, он мгновенно оборвал циркуляцию, не позволив ядовитой примеси пробиться к морю сознания.

Заметив это, Чи Цююнь заволновалась:

— Что с тобой? Плохо? Давай врача вызовем?

— Всё в порядке, мам. Просто голова закружилась, сейчас пройдёт.

Чи Сянь тяжело опустился на просиженный диван. Ему потребовалось немало сил, чтобы вытолкнуть из каналов взбунтовавшуюся грязную ци. Спустя минуту он открыл глаза, нахмурившись.

"Я ведь выдержал грозовую кару вознесения. Почему же я не стал бессмертным?"

"Даже если меня отбросило обратно на Землю... куда делось всё моё могущество? Где артефакты? Где пространственное кольцо со всеми сокровищами?"

"И неужели здешняя атмосфера стала настолько ядовитой? В жалких крохах духовной энергии грязи больше, чем самой ци..."

Но все эти вопросы мгновенно отошли на второй план, когда Чи Сянь посмотрел на мать.

Гораздо важнее было узнать, как его близкие выживали всё это время. Он поднял голову и встретился взглядом с матерью. Серебро в её волосах и залёгшие у глаз глубокие морщины говорили красноречивее любых слов. Жизнь их не щадила.

В этот момент хлопнула входная дверь — вернулись Чи Цин и тётушка Сун.

Чи Сянь молча снял с плеч старый рюкзак, расстегнул его и пододвинул поближе к женщинам:

— Мама, здесь деньги. Я хочу вернуть долг тётушке Сун. Тогда, много лет назад, я...

Он понимал, что его история звучит безумно, но скрывать правду больше не имело смысла. Ему нужно было объясниться.

Однако стоило ему заговорить, как из коридора донёлся язвительный, скрипучий голос:

— Ой, глядите-ка, все в сборе! Слыхала я, блудный сынок Чи Сянь соизволил явиться?

Дверь распахнулась, и в квартиру бесцеремонно ввалилась дородная, лоснящаяся от жира женщина. Стоило ей заметить в руках у Чи Цин два яйца, как её глаза алчно блеснули:

— Яйца?! Целых два?! Ишь ты! Нам проценты по долгам платить нечем, тысячу в месяц отдать не могут, а яйца по сотне за штуку лопать — так пожалуйста?!

Чи Сянь опешил.

"По сотне за штуку? Обычное яйцо?!"

"Даже если бы куры несли золотые яйца, они не стоили бы так дорого!"

С этими словами Лю Цуйхуа рванулась вперёд, пытаясь выхватить яйца из рук девушки. Чи Цин испуганно отшатнулась, прижав добычу к груди. Но вместо того чтобы наорать на наглую соседку, она лишь натянула фальшивую улыбку и заискивающе произнесла:

— Тётушка Лю, не переживайте, мы в этом месяце все проценты до копейки вернём, вовремя. А яйца... Ну так ведь Чи Сянь... брат мой вернулся.

Тётушка Сун тут же вскинулась, заслоня собой Чи Цин:

— Ты чего за чужие руки хватаешься? Мы хоть и бедствуем, но не настолько, чтобы перед тобой за каждый кусок отчитываться! И вообще, Лю Цуйхуа! Ты же каждый божий день на каждом углу хвастаешься, какой у тебя сынок золотой! То он у тебя начальник отдела, то без

пяти минут директор, а к праздникам чуть ли не в министерское кресло сядет! И заботливый какой — всю зарплату мамочке отдаёт, звонит по три раза на дню, дорогие витамины шлёт тоннами! Что ж ты тогда на наши два несчастных яйца так слюной исходишь?

Лю Цуйхуа так и взвилась от злости:

— Кто?! Я?! Да сдались мне ваши тухлые яйца! Сын меня так балует, что я каждый день деликатесы ложками ем! Стану я ещё на ваши гроши заглядываться!

Чи Цин тихонько выдохнула. Тётушка Сун была без промаха — стоило задеть раздутое эго Лю Цуйхуа, как та сразу сбавила обороты, не в силах признать, что завидует чужой еде.

Корни этой неприкрытой злобы уходили на десяток лет назад.

Семья Чи жила в этом доме больше двадцати лет. Их соседкой снизу когда-то была тихая молодая девушка. После трагической гибели её родителей ушлый дядя состряпал фальшивую долговую расписку, оттяпал у сироты квартиру с землёй, а саму её, едва окончившую школу, отправил на заработки на юг. Мол, бабье дело — не книжки читать, а копейку ковать да к замужеству готовиться. Местные деревенские, державшиеся друг за друга мёртвой хваткой в любых грязных делах, дружно приняли сторону дяди — девчонка-то всё равно отрезанный ломоть, уедет и выйдет замуж за чужака.

Но характер у сироты оказался кремнёвым. Уехав, она больше ни разу не ступила на родной порог. Спустя десять лет упорного труда она сумела купить собственное жильё в Цяньши — ту самую крошечную квартирку прямо под Чи.

Однако судьба нанесла новый удар: у неё обнаружили лейкемию. Ждать подходящего донора в больнице было некогда. Цепляясь за жизнь, она переступила через гордость и обратилась к кровной родне, пообещав половину своего имущества — огромные по тем временам двести тысяч юаней.

Единственным, чей костный мозг подошёл, оказался тот самый дядя. Вот только отдавать здоровье он не собирался, наслушавшись басен про страшные последствия донорства, а прибрать к рукам двести тысяч очень хотелось. Он кормил племянницу обещаниями, постоянно откладывая операцию, пока несчастная от бессильной злобы не угодила в реанимацию, где и скончалась через несколько часов.

Поскольку уйти она успела слишком быстро и завещания оставить не успела, ушлые родственники по закону унаследовали всё её добро и через месяц праздновали новоселье в её квартире. Этой самой тёткой покойной девушки и была Лю Цуйхуа.

Поскольку Чи раньше ладили с прежней хозяйкой, новые жильцы сразу невзлюбили соседей сверху. Когда же грязная история сироты всплыла в округе, Лю Цуйхуа решила, что это Чи распустили слухи, и затаила смертельную обиду. Цуйхуа, пользуясь тем, что Чи Цююнь рано

осталась вдовой, принялась распускать грязные сплетни, обвиняя её в блуде.

Но вскоре грянула кара небесная. Дядя покойной девушки отправился на юбилей к старосте деревни. Местная молодёжь решила освежиться в водохранилище, как вдруг там произошёл прорыв дамбы. Бурный водоворот утянул на дно несколько десятков человек, включая мужа Лю Цуйхуа. Когда спасатели осушили резервуар и достали тела, те были изгрызены рыбами до неузнаваемости.

Оставшись вдовой, Лю Цуйхуа попритихла и больше не смела поливать грязью Чи Цююнь, но зависть к чужому счастью никуда не делась.

У Чи подрастали сын и дочь, у Лю — тоже. И все эти годы Чи неизменно обходили соседей во всём. Дочь Лю Цуйхуа безответно влюбилась в парня, который в итоге выбрал Чи Цин. Сын Лю Цуйхуа, Лю Лян, учился из рук вон плохо, тогда как Чи Сянь сразу после выпуска устроился в крупную корпорацию с окладом больше десяти тысяч юаней уже на стажировке. Лю Лян же месяцами сидел без работы на шее у подружки.

Всё изменилось, когда у Чи Цююнь диагностировали рак, а Чи Сянь бесследно исчез, прихватив с собой все семейные сбережения и занятые у знакомых двести тысяч юаней. Семья Чи в одночасье рухнула на самое дно.

А затем пришёл конец света.

Семья невесты Лю Ляна владела небольшим бизнесом, но после начала катастрофы им удалось породниться с могущественной семьей Лю из Чанши. С их поддержкой они за год выбились в элиту Цяньши. Безработный Лю Лян вытянул счастливый билет: после женитьбы его пристроили в коммерческое управление — самое сытное ведомство в городе.

Жена души в нём не чаяла — поселила в семейном особняке, выдавала щедрые карманные деньги, закрывала глаза на то, что муж всю свою номинальную зарплату отдаёт матери, и даже позволила новорождённым близнецам носить его фамилию, несмотря на то что была единственной наследницей в своей семье.

Для Лю Цуйхуа настали золотые деньки.

Правда, сытая жизнь в эпоху постапокалипсиса ограничивалась лишь возможностью не голодать и ходить в тепле. О разносолах и мясе речи не шло. Цены взлетели до небес — обычное яйцо стоило сотню юаней, а те, кто мог позволить себе трёхразовое питание, составляли от силы одну пятую населения.

Едва выпалив гордую тираду, Лю Цуйхуа прикусила язык от досады. Это же были яйца! С какой стати эти нищелюды Чи будут лакомиться такой роскошью? Ведь можно было под предлогом долга просто отобрать их! Но теперь момент был упущен.

Впрочем, она быстро сориентировалась и вспомнила, зачем пришла.

— Так вы эти яйца для Чи Сяня приготовили? — она издевательски расхохоталась. — Он вас по миру пустил, а вы его на порог пустили да ещё и деликатесами кормите? Ну не дуры ли, а?

Не дав им опомниться, она переключилась на Чи Сяня:

— А ты? Рожа твоя бесстыжая! Как только смелости хватило притащиться обратно? Что, когда мать заболела, испугался обузы? Спёр все деньги и сбежал со своим дружкой из семейства Чэнь?! А теперь прижало, жрать нечего стало, вот и приполз на готовенькое?

Чи Сянь лишился дара речи.

"Какой ещё парень из семьи Чэнь?"

"О ком она вообще говорит?"

Тут взгляд соседки упал на открытый рюкзак Чи Сяня. Заметив аккуратные стопки купюр, она победно осклабилась:

— Ну и что ты нам наврёшь? Начнёшь плести, что бес попутал с Чэнем сбежать? А потом совесть замучила, деньги эти ты не трогал, да вернуться боялся, вот и ждал столько лет? Или споёшь, как по дороге в больницу под машину попал, память потерял, а вчера внезапно прозрел и примчался к мамочке?

Она зыркнула на притихших соседей, собравшихся у открытой двери:

— Люди добрые, вы только послушайте! Неужто кто-то поверит в этот дешёвый цирк?

Смерив парня презрительным взглядом, она добавила:

— Посмотрите на него! Кожа да кости, краше в гроб кладут. От уличных попрошаек ничем не отличается. Ясно же как день: прокутил всё, а как припекло — вернулся из матери с сестрой последние жилы тянуть!

Чи Цююнь и Чи Цин отвели взгляды. По их убитым лицам было понятно: они думают точно так же.

Чи Сянь мысленно вздохнул. На самом деле перед своим «исчезновением» он полмесяца без сна и отдыха мотался по городу, пытаясь собрать неподъёмную сумму на операцию матери, из-за чего исхудал на десять килограммов и почернел от усталости. Неудивительно, что сейчас он

выглядел как оборванец.

— А деньжата эти? — Лю Цуйхуа пренебрежительно ткнула пальцем в рюкзак. — Ха! Да эти бумажки старого образца уже лет пять как из обихода вышли! На свалке их пруд пруди, за бесценок мешками отдают! Кому ты лапшу на уши вешаешь, а? Это те самые деньги? Да ты их на ближайшей помойке откопал, чтобы ласковой сказкой мать разжалобить и снова сесть ей на шею! Ну надо же, какой умник! Какую схему провернул! Обычному человеку такое коварство и в голову не придёт!

Чи Сянь едва сдерживал улыбку.

"Если послушать её, я и правда гений преступного мира."

"Хотя... моя настоящая история про бессмертных и перемещение во времени звучит куда безумнее любой её лжи."

— Так что, Лао Чи, заклинаю вас, не верьте этому прохвосту! — Лю Цуйхуа картинно всплеснула руками. — Не забывайте, из-за кого вы в этой навозной куче оказались! Ума не приложу, как из такого тихого, послушного мальчика выросла такая неблагодарная тварь. То ли дело мой Лю Лян! В детстве звёзд с неба не хватал, зато сейчас — опора и гордость! Заботливый, работающий, все деньги до копейки матери отдаёт! То лекарства дорогие пришлёт, то гостинцы. Если бы не сыновья забота, откуда бы у меня взялись те сто тысяч, которые я тебе на лечение рака одолжила?

При этих словах лица Чи Цююнь и Чи Цин потемнели. Каким бы виноватым ни был Чи Сянь перед семьёй, слушать, как посторонняя хабалка поливает его грязью, было невыносимо.

У тётушки Сун от злости побелели костяшки пальцев. Она прекрасно помнила историю этого «благоедея».

Когда у Чи Цююнь случился рецидив онкологии, семья была в отчаянии. Именно тогда Лю Цуйхуа ввалилась к ним со ста тысячами юаней. Чи наивно решили, что в ней проснулась совесть. Но Цуйхуа просто купила себе право пожизненно топтать их достоинство — заходить когда вздумается, поливать грязью пропавшего сына и превозносить своего ненаглядного Лю Ляна.

От постоянных унижений у больной Чи Цююнь несколько раз случались приступы. Когда Чи Цин попыталась защитить мать, Лю Цуйхуа мгновенно сбросила маску добродетели, обвинила их в неблагодарности и потребовала немедленно вернуть всю сумму, обложив кабальным процентом в тысячу юаней ежемесячно до полной выплаты долга.

Если бы не этот долг, тётушка Сун давно бы спустила наглую соседку с лестницы.

Насладившись произведённым эффектом и увидев их бессильную ярость, Лю Цуйхуа довольно прищурилась:

— Ой, что-то я разболталась. Но вы не обижайтесь, я ведь исключительно из добрых побуждений, чисто по-соседски предостеречь хочу...

Губы Чи Цин мелко задрожали, но она стиснула зубы и промолчала. Они и так уже захлёбывались в этой бесконечной беспросветной нужде. Сил бороться и устраивать скандалы просто не осталось.

И тут посреди этого гнетущего молчания раздался спокойный голос Чи Сяня:

— Раз так, то наша семья действительно перед вами в неоплатном долгу.

— Чего? — Лю Цуйхуа недоумённо уставилась на него. Остальные тоже удивлённо повернули головы.

Чи Сянь мягко улыбнулся, глядя соседке прямо в глаза:

— Вот только я всю голову сломал, пытаюсь придумать, как отблагодарить вас за такую щедрость.

Чи Сянь не был глупцом. Пусть он пока не знал всех деталей того, что произошло за время его отсутствия, но по лицу сестры и неприкрытому торжеству соседки легко восстановил картину.

— Впрочем, — продолжил он, — есть кое-какая информация, которая может оказаться для вас весьма... полезной.

Лю Цуйхуа мгновенно наострила уши:

— Это какая ещё информация?

— Если память мне не изменяет, — прищурился Чи Сянь, — нынешняя супруга Лю Ляна — это та самая девица, с которой он начал встречаться на четвёртом курсе? Вообще-то, в студенческие годы она бегала за мной. Но я её отверг.

Лицо Лю Цуйхуа мгновенно перекосило. Ещё секунду назад она упивалась превосходством, а теперь лишилась дара речи от такой наглости. Что значит «бегала за ним»? Что за чушь?! Её невестка — богатая красавица — унижалась перед этим оборванцем, а её ненаглядный Лю Лян просто подобрал объедки с барского стола?!

В глазах Цуйхуа вспыхнула бешеная ярость, но не успела она разразиться проклятиями, как Чи Сянь спокойно продолжил:

— И дело даже не в том, что мне тогда было не до отношений. Просто репутация у этой особы в студенческом городке была, прямо скажем, паршивой. Говорили, что она не брезгует ни мужчинами, ни женщинами, а больше всего любит вешаться на богатеньких папиков в возрасте. И ко мне она клеилась вовсе не от большой любви. Просто в тот момент её застукали в постели с богатой замужней дамой. Обманутый муж грозился её уничтожить, вот ей и понадобился простак для прикрытия.

Толпа зевак в коридоре слаженно ахнула. Глаза у всех загорелись предвкушением грандиозного скандала. Выходит, Лю Лян не просто подобрал чужие объедки — он пригрел на груди потаскуху, через постель которой прошёл целый легион, включая престарелых дам!

Лю Цуйхуа стояла бледная, как полотно, открывая и закрывая рот подобно выброшенной на берег рыбе.

Чи Сянь едва заметно усмехнулся:

— Поговаривали, что перед самым выпуском она сошлась с каким-то престарелым богачом под семьдесят. И почти сразу забеременела. Ах да, по странному совпадению, фамилия у того старика была точно такой же, как у вашего сына.

В толпе бахнул дружный хохот. Сплетников было уже не остановить:

— Батюшки! А ведь Лю Лян женился как раз по залёту!

— Ну и ну! Так чей же это приплод получается?

— А тут и гадать нечего! То-то я гляжу, с чего бы такая богатая фифа на нашего безработного дурачка позарилась!

— Пойдите, так ведь семья её взлетела именно после того, как она забеременела! Вдруг откуда ни возьмись объявились влиятельные родственнички — те самые Лю из Чанши! Теперь всё сходится!

— Ха-ха-ха! Глава семейства Лю из Чанши — старик под семьдесят! Родила девка внебрачного нагулыша влиятельному деду, тот на радостях и осыпал её семейку благами! А дурачок Лю Лян просто прикрыл грех! Да уж, великая милость — разрешить детям носить фамилию мужа! Да они просто фамилию настоящего папаши носят, а Лю Лян тут боком припёкся! Однофамилец хренов! Ну и умора!

— А Цуйхуа-то как заливала: «Моя невестка благородная, набожная, уважает меня!» Тьфу!

Действительно! Была бы она нормальной невесткой, давно бы забрала свекровь из этой трущобы. С их-то миллионами! А Цуйхуа тут на два яйца исходит!

От бывшего величия Лю Цуйхуа не осталось и следа. Лицо её побагровело, жирные щёки затряслись от неописуемой ярости. Она взвизгнула так, что заложило уши, и с кулаками ринулась на Чи Сяня:

— Заткнись! Заткнись, тварь! Врёшь! Всё врёшь! Я тебе язык вырву! Рот поганый наизнанку выверну!

<http://bllate.org/book/20654/2105910>